

4. Ильиш Б. А. История английского языка : учебник / Борис Александрович Ильиш. – Москва: Просвещение, 1988. – 276 с.

5. Кульгавова Л. В. Лексикология английского языка : учебно-практические материалы / Л. В. Кульгавова. – Москва: АСТ: Восток – Запад, 2008. – 511 с.

6. Расторгуева Т. А. История английского языка : учебник / Татьяна Адриановна Расторгуева. – Москва: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2002. – 352 с.

7. Смирницкий А. И. Лекции по истории английского языка : учебное пособие/ Александр Иванович Смирницкий. – Москва: Добросвет, 2000. – 238 с.

8. Смирницкий А. И. Хрестоматия по истории английского языка с УП по ХУП в. с грамматическими таблицами и историческим и этимологическим словарем / Александр Иванович Смирницкий. – Москва: Изд-во литературы на иностранных языках, 1953. – 288 с.

9. Barber Ch. The English language: a historical introduction : manual / Charles Barber. – Cambridge : Cambridge University Press, 1994. – 299 p.

УДК 811.161.1'42 Бабель

О. В. Козлова,

студентка магистратуры специальности 014.02 Среднее образование.

Язык и литература (русский), факультет иностранных языков,

Криворожский государственный педагогический университет,

г. Кривой Рог

СПЕЦИФИКА ПОРТРЕТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ПЕРСОНАЖЕЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И. БАБЕЛЯ

Козлова О. В. Специфіка портретних характеристик персонажів у творах І. Бабеля.

У статті проаналізовано портретні характеристики персонажів творів І. Бабеля. Виявлено, що в прозі письменника наявні мовні, психологічні та сатиричні портрети. Загалом, портрети персонажів, створені І. Бабелем, динамічні, яскраві, наповнені емоційним і естетичним змістом, психологізмом, м'яким гумором і уципливою сатирою.

Ключові слова: художній портрет, мовний портрет, психологічний портрет, сатиричний портрет, І. Бабель.

Козлова О. В. Специфика портретных характеристик персонажей в произведениях И. Бабеля.

В статье проанализированы портретные характеристики персонажей произведений И. Бабеля. Выведено, что в прозе писателя широко представлены языковые, психологические и сатирические портреты. В целом, портреты персонажей, созданные И. Бабелем, динамичны, красочны, наполнены эмоциональным и эстетическим содержанием, психологизмом, мягким юмором

и едкой сатирой.

Ключевые слова: художественный портрет, языковой портрет, психологический портрет, сатирический портрет, И. Бабель.

Kozlova O. V. Specificity of the characters' portrait characteristics in the works of I. Babel.

The article analyzes portrait characteristics of the characters of the works, written by I. Babel. It is revealed that language, psychological and satirical portraits are widely represented in the prose of the writer. In general, portraits of characters, created by I. Babel, are dynamic, colorful, filled with emotional and aesthetic content, psychologism, mild humor and sharp satire.

Keywords: artistic portrait, language portrait, psychological portrait, satirical portrait, I. Babel.

Актуальность исследования обусловлена огромным интересом ученых к творчеству Исаака Эммануиловича Бабеля, прекрасного писателя и драматурга, занявшего особое место в русской литературе XX века. Так, в работах Г. Белой, В. Ковского, Ф. Левина, Л. Лившица, И. Смириня, С. Поварцова представлено историко-биографическое описание творческого и жизненного пути И. Бабеля. Изучением поэтики его произведений активно занимались Й. Баак, Е. Добренко, И. Есаулов, А. Жолковский, Э. Зихер, П. Карден, Ш. Маркиш, Дж. Фален, В. Эйдинова М. Эре, М. Ямпольский и др. В современной науке анализируются бабелевские тексты с точки зрения мифопоэтики (Т. Накамура, Ю. Щеглова и др.), исследуются национальные истоки творчества писателя (Я. Либерман, М.Фридберг). Однако многие вопросы, касающиеся поэтики его произведений, еще не решены. Думается, что выявление индивидуальных особенностей стиля И. Бабеля в целом и особенностей создания портретных характеристик персонажей его произведений в частности является одним из путей познания его идиостиля.

Цель исследования – выявить портретные характеристики персонажей в произведениях И. Бабеля и проанализировать их.

Как известно, портрет является одной из главных составляющих любого художественного произведения.

Проблемой создания художественного портрета и его ролью в структуре литературного произведения занимаются многие лингвисты и литературоведы. В работах, посвященных исследованию портрета, затрагиваются вопросы формирования и развития портретного описания (Б. Е. Галанов, Г. С. Сырица), выявления структурно-синтаксических и лингвистических особенностей портрета (Е. А. Гончарова, В. М. Жирмунский, О. А. Мальцева), разработки типологии портретных описаний (А. И. Белецкий, А. Н. Беспалов, Н. А. Родионова, К. Л. Сизова).

Исследователи отмечают, что в литературе чаще встречается портрет, в котором «автор через внешность героя стремится раскрыть его внутренний мир, его характер. В таком портрете писатель через черты индивидуальности, присущие конкретному человеку, может выявить и черты общие, свойственные

определённой социальной среде, профессии, категории населения и т.д.» [6, с. 275]. Портрет в литературе – это индивидуализированный способ раскрытия человека.

Портрет может быть сфокусирован в одном месте произведения, например, даваться экспозиционно, но может быть и «рассыпан» по тексту (черты характера героя выявляются по мере разворачивания сюжета).

Итак, портрет – это одно из средств художественной характеристики, состоящее в том, что писатель раскрывает типический характер своих героев.

Проведенный нами анализ таких произведений И. Бабея, как «Конармия» и «Одесские рассказы» [1; 2], показывает, что писатель тщательно описывает своих персонажей, тексты насыщены разнообразными портретными характеристиками. Охарактеризуем те из них, которые наиболее ярко репрезентируют идиостиль И. Бабея.

Прежде всего, широко представлены в прозе писателя **языковые портреты**. Отметим, что под термином «языковой портрет» мы понимаем «индивидуализирующий и одновременно типизирующий способ передачи речи персонажа, проявление в ней характера героя в его непрерывном развитии, его мировоззрения, идеологических позиций, политического уровня» [4, с. 76].

Например, в рассказе «Соль», построенном в виде письма Никиты Балмашева, находим яркий языковой портрет этого персонажа. Речь Балмашева пестрит просторечиями: *кой-чего, семь ден тому назад, с грудным дитём на руках*, которые перемешаны с нелепыми канцеляризмами: *вышеизложенную станцию, фигурировала небезызвестная соль*. Эти словечки, несомненно, придавали человеку, их употреблявшему, важности и в собственных глазах, и в глазах окружающих его людей. На самом же деле такой язык легко обнаруживает безграмотность говорящего, характеризует его как человека, которому не место у власти. Вот еще несколько примеров, показывающих малограмотность конармейца: *Хочу описать вам за неосознанность женщин, которые нам вредные; Поэтому опишу вам только за то, что мои глаза собственноручно видели; Все мы горели способствовать общему делу и имели направление на Бердичев* [1, с. 92].

Никита Балмашев появляется и в рассказе «Измена». Он, ощущает себя бойцом за мировую революцию, что порождает его недоверие и презрение к остальным, которые оказываются изменниками и «врагами революции». Как фронтовик он возмущается тылами, как кавалерист он с пренебрежением относится к пехоте. Балмашев говорит о ней так, как будто принадлежность к этому роду войск автоматически свидетельствует о ненадежности: *...Мы <...> ожидали увидеть культработу и преданность делу, но интересно узнать, что же мы увидели, взойдя в палату? Мы увидели красноармейцев, исключительно пехоту, сидящих на устланных постелях* [1, с. 145]. Этот персонаж не рассуждает *согласно отданного приказания* [1, с. 147], а только выполняет приказы. Одной из черт его характера является неприкрытый антисемитизм: он испытывает неприязнь к евреям и бюрократам (к Явейну, Бойдерману): *гражданину пожилых лет, в тулупе, по национальности еврею, который сидит за столом, стол его набит бумагами, что это некрасота*

смотреть [1, с. 147].

Когда Балмашев говорит о себе и товарищах, появляются выражения такие, как: *зрячий итык, вострая шапка, земляки с одной судьбой, кровавое сердце бойца и пролетария, одежда, вытканная матерями <...> слабосильными старушками с Кубани, страдания трёх красных конников, неизвестные, но заслуженные бойцы, возвышенный голос, короткая красная жизнь, без края тревога об измене* [1, с. 144].

Совершенно иная лексика используется там, где речь идёт о мирной жизни, то есть «контре», по мнению Балмашева. Доктор Явейн – *зверь, а не человек* [1, с. 145], *надсмехающийся разными улыбками* [1, с. 144]; сёстры милосердия сатирически названы *немилосердными сиделками* [1, с. 146], а попытка их переменить одежду на раненых бойцах – *издевательство беспартийной массы* [1, с. 146]; пациенты – *раскудрявые товарищи, которые наели очень чудные пуза, что ночью играют, как на пулемётах* [1, с. 144].

Таким образом, речь персонажа-рассказчика с его бело-красным видением мира и есть ключ к пониманию характера героя. Она представляет собой смесь из просторечий вроде *одежда, роля, какава, неподобная ляпа* и пафосных выражений, источник которых, видимо, передовая полоса «Красного кавалериста»: *империалист и палач мировой революции; наше международное положение; враг на мягких лапах*. Проскальзывает и стиль рапорта: *трое земляков, а именно, согласно отданного приказания, дать твёрдый материал* [1, с. 144].

В описании героя рассказа «Гедали» показана двойственность его характера и внешности, которые совмещают в себе детскую наивность и житейскую мудрость. Имя героя – Гедали – в переводе с иврита означает «большой». Но в его портретной характеристике преобладают уменьшительно-ласкательные формы: *ручки, бородёнка*, его цилиндр как *башенка*. Мотив детскости усиливается использованными эпитетами (*маленький, крохотный*), описанием предметов вокруг (*коробочка, водица*). С другой стороны, из него может выйти профессор: *сюртук до полу, чёрный цилиндр, дымчатые очки*. Оксюморонна поэтика изображения этого *основателя несбыточного Интернационала* [1, с. 37], с его построенной на причудливых сочетаниях речью (*пане товарищ*) и достаточно большим несоответствием внешней малости и беззащитности *крохотного, одинокого, мечтательного, в черном цилиндре и с большим молитвенником под мышкой* существа [1, с. 34].

И. Бабель создает и ряд **психологических портретов**. Так, в «Конармии», в которой «эпоха отражается через множество сознаний, каждое из которых субъективно смещает пропорции реального мира» [5, с. 118], запечатлены разнообразные типы характеров: интеллигент-гуманист, одержимые личности, герой-правдоискатель, творческая личность, жертва революционного времени и др. Подчеркнем, что многие рассказы выстроены именно по портретному принципу.

Интеллигент-гуманист. Основной рассказчик Кирилл Васильевич Лютов выступает в цикле носителем высокой культуры, ощущающим ужас современности, и в этом смысле *он чужой в армии*.

В рассказе «Костел в Новограде» Лютов предстает как великий летописец совершающихся потрясений, его речь приобретает песенно-ораторское звучание: *Нищие орды катятся на твои древние города, о Польша, песнь об единении всех холопов гремит над ними, и горе тебе, Речь Посполитая...* [1, с. 8]. Герой проникается дерзкими художественными исканиями пана Аполека, *отогревая в себе неисполнимые мечты и нестройные песни* [1, с. 28], созерцает в костеле творения его *еретической и упоительной кисти* [1, с. 110], и в то же время ему понятна и красота казачьей песни Афоньки.

Но лютовский гуманизм прорастает из глубоко болезненных отношений рассказчика с конармейской средой. Перипетии столкновений с царящей вокруг бессмысленной жестокостью отразились в «Эскадронном Трунове».

Портретные характеристики Лютова можно отнести к **фрагментарному портрету**, так как мы наблюдаем небольшие по протяженности портретные зарисовки.

Одержимые. Это сквозной в цикле психологический тип, представляющий противоположную фигуре Лютова личность, которая, влившись в стихию революции, раскрывает в данных обстоятельствах, как свои внутренние силы, так и симптомы душевного надлома. Одержимый тип героя показан Бабелем с различным уровнем художественной детализации, через несхожие стилевые решения. В «Комбриге два» это выведенная в основном в батальных сценах фигура юного Колесникова, который назначен Буденным на место убитого комбрига. Главный принцип создания этого психологического портрета – парадокс, «зигзагообразное» видение то его растерянности перед лицом опасности и смерти (*узкая спина <...> с болтающимися руками и упавшей головой в сером картузе* [1, с. 60]), то лихорадочной активности (*комбриг, вертевшийся на лошади в столбах густой пыли* [1, с. 60]), то – в итоговом наблюдении рассказчика-психолога – его восторг собственным лидерством: *В тот вечер в посадке Колесникова я увидел властительное равнодушие татарского хана* [1, с. 61].

Правдоискатель. В системе образов бабелевских правдоискателей выделяются два полярных компонента, сложно взаимодействующие в одном характере: правдоискатели-мстители и правдоискатели-мечтатели.

Характер мстителя, столкнувшегося с вопиющей неправдой, хорошо прорисовывается в «Прищепе» через косвенную передачу рассказа героя о себе. Его родители были убиты белыми, а сам он, вернувшись в родную деревню, ходил *от одного соседа к другому* и расправлялся с теми, у кого находил родительские вещи, *кровавая печать его подошв тянулась за ним следом* [1, с. 77]. Через подробности его поведения раскрывается богоборческая составляющая этого бунта против промысла, хода истории: Прищепка оставлял после себя *иконы, загаженные пометом* [1, с. 77], *собак, повешенных над колодезем* [1, с. 77], *поджег дом, бросил в огонь прядь своих волос и сгинул* [1, с. 78].

Зачастую правдоискательство мстителей носит более локальный, даже бытовой характер и внезапно обнаруживается в сниженных обстоятельствах грубой повседневности – как, к примеру, в рассказе «Вдова». Ведь в

изображении Бабелем на фоне эпохальных сдвигов «идет своя обыденная, торжествующая, немолчная, неугасимая, исконная, древняя жизнь, с жеребцами, с женщинами, с любовью, с барахлом, со сбруей, с полтинниками, с обозами, с ограблением костелов» [3, с. 305].

Художник. Творческие цели оказываются весьма существенными в целом ряде выведенных Бабелем характеров. Тот же Сашка Христос предстает в рассказе «Песня» как *эскадронный певец* [1, с. 160], гармонист, который исполняет задушевную кубанскую песню (*Звезда полей над отчим домом, и матери моей печальная рука...* [1, с. 159]), и по велениям своего творческого дара проявляет большое снисхождение к втянутым в грязную повседневность людям (лег со старухой *на тряпичную постель* [1, с. 161]), смягчая даже душевное ожесточение рассказчика: *Сашка смирил меня полузадушенным и качающимся своим голосом <...> Мечта ломала мне кости, мечта трясла подомной истлевшее сено...* [1, с. 160].

Жертва своего времени. Среди героев – носителей раненного гражданскими потрясениями сознания – выделяются, с одной стороны, представители уходящего мира, обреченные теперь на участь «бывших» людей. Это и *сын житомирского рабби* [1, с. 164] Илья – *последний принц в династии* [1, с. 165], воспринимаемый Лютовым как *принц, потерявший штаны, переломанный надвое солдатской котомкой* [1, с. 164], и дьякон Иван Аггеев («Иваны»), занимающий позицию неучастия в исторических сдвигах и бессмысленно надеющихся на возможность избежать применения к себе революционной логики, по которой *таперя каждый каждого судит* [1, с. 127].

Жертвой становится в изображении Бабеля и человек, активно включенный в революционную стихию, но изнутри, часто неосознанно для себя самого, надломленный ею. Никиту Балмашева (автора письма в рассказе «Соль») и его товарищей – бойца Головицына и бойца Кустова пассионарное служение грубому пролетариату и революционное правдоискательство в рассказе «Измена» приводят к безумию, которое заставляет повсюду восставать против собственного телесного естества (*душа горит и рвет огнем тюрьму тела* [1, с. 148]).

В движении от рассказа к рассказу взаимодействуют черты разных психологических типов – от искателя правды, вдохновенного художника до обманутой лозунгами жертвы. Это достигается за счет богатства художественных средств, речевых приемов исследования внутренних миров персонажей.

Для «Одесских рассказов» характерны **комические и сатирические портреты**, написанные И. Бабелем с помощью «смехового слова» (М. М. Бахтин).

Заглавный образ первой новеллы цикла «Король» достаточно традиционен для смеховой народной культуры. Король и шут, переодетый в короля, неперемные участники любого карнавала, в финале которого происходит развенчание самозванца. В начале рассказа поддельным королем является новый пристав, который представляет государственную власть. Он убежден в том, что *там, где есть государь император, там нет короля* [2,

с. 4], поэтому решает устроить облаву на Беню Крика (Короля воров) во время свадьбы его сестры. В финале рассказа, согласно закону карнавала Беня Крик, настоящий Король Молдаванки, развенчивает своего противника: *Городовые, тряся задами, бегали по задымленным лестницам. Пожарные были исполнены рвения, но в ближайшем кране не оказалось воды. Пристав та самая метла, что чисто метет, стоял на противоположном тротуаре и покусывал усы, лезшие ему в рот* [2, с. 4].

Персонажи «Одесских рассказов» описываются с иронией, иногда с мягким юмором: ... *сорокалетняя Двойра, изуродованная болезнью, с разросшимся зобом и вылезавшими из орбит глазами, сидела на горе подушек рядом с щуплым мальчиком, купленным на деньги Эйхбаума* [2, с. 7]; *Глаза их [налетчиков] были выпучены, одна нога отставлена в каждом экипаже сидел один человек с букетом, и кучера, торчавшие на высоких сиденьях, были украшены бантами, как шафера на свадьбах* [2, с. 17]. Многие портреты написаны в гротескной манере: *Живот Каплуна лежал на столе под солнцем, и солнце ничего не могло с ним поделаться* [2, с. 18]; на мясистых ногах налетчиков *лопается кожа цвета небесной лазури* [2, с. 7].

Создавая портреты персонажей, И. Бабель довольно часто прибегает к сравнению: *три кухарки, не считая судомоек, готовили свадебный ужин, и над ними царил восьмидесятилетняя Рейзл, традиционная, как свиток торы, крохотная и горбатая* [2, с. 4]; *им достался ямайский ром на свадьбе Двойры Крик, и поэтому, насосавшись, как тrefные свиньи, еврейские нищие оглушительно стали стучать костылями* [2, с. 7]; *тетя Песя дрожала, как птичка* [2, с. 14]; *Беня бросил первую лопату и перешел к Савке. За ним пошли, как овцы, все присяжные поверенные и дамы с брошками* [2, с. 15]; *налетчики ехали в лаковых экипажах, разодетые, как птицы колибри, в цветных пиджаках* [2, с. 15] и другие.

В образе Бени Крика, короле налетчиков и биндюжников, главаре одесских бандитов, соединились юмор и ирония с необычайным лиризмом и романтичностью. Он – настоящий одессит: *Беня говорит мало, но он говорит смачно. Он говорит мало, но хочется, чтобы он сказал еще что-нибудь* [2, с. 10]. Неожиданные речевые обороты не только говорят о его остроумии, сообразительности, но и делают яркими и незабываемыми ситуации, в которые он попадает, высвечивая их с новой, неожиданной стороны. Только он может сказать своему товарищу, кричащему громче других и размахивающему пистолетом во время налета на богача Тартаковского: *Работай спокойнее, Соломон... не имей эту привычку быть нервным на работе* [2, с. 11].

Беня Крик говорит коротко и остроумно, часто прибегает к народным мудростям и поговоркам. Когда речь заходит о появлении нового пристава, Беня метко комментирует его внезапную облаву следующей фразой: *Новая метла чисто метёт* [2, с. 4].

Автор любит и понимает своих героев, но отмечает их недостатки (глупость, жадность, склочность, коварство и пр.), обличает их пороки.

Таким образом, портреты персонажей, созданные И. Бабелем, динамичны, красочны, наполнены эмоциональным и эстетическим

содержанием, психологизмом, мягким юмором и едкой сатирой.

Список использованной литературы

1. Бабель И. Э. Конармия: новеллы / И. Э. Бабель. – Москва: Школьная библиотека, 2007. – 187 с.
2. Бабель И. Э. Одесские рассказы / И. Э. Бабель. – Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2008. – 94 с.
3. Воронский А. К. Искусство видеть мир: Портреты / А. К. Воронский. – Москва: Просвещение, 1987. – 508 с.
4. Кусько Е. Я. Проблемы языка современной художественной литературы / Е. Я. Кусько. – Львов: Вышш. школа, 1980. – 207 с.
5. Мущенко Е. Г. Поэтика сказа / Е. Г. Мущенко, Л. Е. Кройчик. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1978. – 217 с.
6. Теория литературы: [учебник] / В. Е. Хализев. – [3-е изд., испр. и доп.]. – Москва: Вышш. школа, 2002. – 487 с.

УДК 811.161.2'81

Л. М. Приблуда,

асистент,

Національний університет харчових технологій,

м. Київ

СТРУКТУРНО-ГРАМАТИЧНА СПЕЦИФІКА МЕТОНІМІЇ В УКРАЇНСЬКІЙ ПРОЗІ ХХІ СТОЛІТТЯ

Приблуда Л. М. Структурно-граматична специфіка метонімії в українській прозі ХХІ століття.

Стаття присвячена дослідженню структурно-граматичної специфіки метонімії в українській прозі ХХІ ст. Встановлено, що мовотворчість сучасних українських письменників репрезентує активне використання таких структурних типів: іменникової, прикметникової та дієслівної метонімії.

Ключові слова: сучасна українська проза, вторинна намінація, метонімія, структура вторинних найменувань.

Приблуда Л. М. Структурно-грамматическая специфика метонимии в украинской прозе ХХІ века.

Статья посвящена исследованию структурно-грамматической специфика метонимии в украинской прозе ХХІ в. Установлено, что языкотворчество современных украинских писателей – это активное использование таких структурных типов: именной, адъективной и глагольной метонимии.

Ключевые слова: современная украинская проза, вторичная номинация, метонимия, структура вторичных наименований.

Pribluda L. M. Structural-grammatical specificity of metonymy in the Ukrainian prose of the ХХІ century.